
Учебные пособия по истории казачества и некоторые проблемы современной историографии

Николай Никитин

Textbooks on the history of the Cossacks and some problems of modern historiography

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870005906-7

Возрождение казачества, начавшееся в России на рубеже 1980—1990-х гг., сопровождается созданием по всей стране сети «образовательных учреждений казачьей направленности». В мае 2018 г. одних только казачьих кадетских корпусов, дающих своим выпускникам среднее специальное образование, насчитывалось 27¹. А ещё есть казачьи классы в школах, школы-интернаты, факультеты при вузах и даже Первый казачий университет.

Учебные программы всех этих заведений помимо общего курса истории предусматривают в качестве самостоятельного предмета историю казачества, что вполне естественно и оправданно. Но очевидно и другое: эта сравнительно новая для нашей школы дисциплина требует специального методического обеспечения, которое, в свою очередь, должно опираться на научные разработки преподаваемого предмета. Однако с последним дела у нас обстоят далеко не лучшим образом.

Казачьей истории посвящены сотни книг и тысячи статей. Их авторами являются как профессиональные историки, так и лица, не имеющие не только исторического или гуманитарного, но, порой, и высшего образования. Отсюда разное качество и различный уровень их публикаций. Ситуация осложняется и тем, что даже профессионалы, специально разрабатывающие казачью проблематику, нередко допускают в своих работах серьёзные ошибки, когда берутся освещать те периоды или вопросы, в которых они не являются специалистами. В силу того, что за последнее столетие объём введённых в научный оборот источников и литературы вырос в десятки раз, в исторической науке (как и в любой другой) возобладали «узкая специализация». Те исследователи, которые, например, успешно защищали диссертации по истории казачества XIX—XX вв., обратившись к более ранним её периодам, порой оказываются, мягко говоря, не на высоте. Кроме того, многие вопросы этой темы крайне политизированы, и исследователям — особенно проживающим в «казачьих» регионах — не всегда удаётся выдерживать «давление извне», оставаться «вне политики», придерживаясь строго научного, объективного подхода к рассматриваемым событиям и явлениям.

В истории казачества, конечно, ещё немало слабоизученного, дискуссионного. Есть в ней, однако, вопросы, уже давно решённые наукой, но выглядящие спорными или неверно освещёнными лишь в глазах тех, кто слабо

© 2019 г. Н.И. Никитин

¹ URL: <http://kazak-center.ru>.

разбирается в «предмете дискуссии» из-за собственной некомпетентности или не приемлет выводы учёных из-за своей политической ангажированности. Одними из наиболее политизированных (и как следствие «запутанных») стали вопросы о происхождении и этнической природе казачества, а также о характере его взаимоотношений с Российским государством. К тому же они носят базовый характер, и прежде всего от правильного их решения зависит правильное изложение всей казачьей истории.

Подлинно научная трактовка этих вопросов, опирающаяся на огромный массив источников, введённых в оборот усилиями нескольких поколений высококвалифицированных исследователей, выглядит так. Донские, уральские, терские и запорожские казаки (историческое ядро казачества) — это потомки выходцев из разных социальных и этнических групп, самовольно поселявшихся в XV—XVII вв. на Дону, Нижней Волге, Яике (Урале), Тереке, Нижнем Днепре, объединявшихся там в самоуправляемые независимые общины и жившие прежде всего «воинским промыслом».

Известным по крайней мере с XIII в. термином «казак» обозначали в тюркских языках изгнанника, бездомного бродягу («казак» стали называть даже хана Кучума, как только он был изгнан из своего «царства» Ермаком)². Но эти древние «изгнанники» и «бродяги» не являлись предками казачества. Оно стало складываться лишь после их объединения в независимые и самоуправляемые военизированные сообщества. По данным вполне надёжных источников, это произошло не ранее XV в. в связи с распадом Золотой Орды, в результате чего резко увеличилось число лиц, оказавшихся «не у дел», выпавших из социальной структуры золотоордынского общества и превратившихся в изгоев и бродяг. Потому-то первыми казаками становились в основном татары разных «орд». Это и определило преимущественно татарский (тюркский) характер специфически казачьей терминологии (слова «атаман», «есаул», «майдан», «дуван», «бунчук», «курень» и др.).

Но к концу XVI в. казачьи общины, при всей их этнической пестроте, уже состояли в основном из русских и украинцев (в то время тоже считавших себя русскими), которые по разным причинам предпочитали жизни на родине «буйную волю» на степных окраинах. Обжившись там, они превратились в XIX — начале XX в. в этнографические группы (субэтноты) русского народа, поскольку при всей специфике общего в их языке и культуре с большинством русских больше, чем различий. Эти положения подтверждены, во-первых, обширным документальным материалом российских архивов (в значительной мере опубликованным), свидетельствующим о военном деле как главном занятии казачества и о массовом уходе «в казаки» в XVI—XVII вв. именно русских людей; во-вторых, указаниями в основном на русское происхождение казаков (относящимися к XVII—XVIII вв., принадлежавшими им самим и сторонним наблюдателям); в-третьих, именными списками казачьих отрядов с разъяснениями, из каких мест они «вышли»; в-четвёртых, множеством дошедших до нас с XVI—XVII вв. имён и прозвищ казаков, указывающих на их русское проис-

² См.: *Благова Г.Ф.* Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах» // *Этнонимы*. М., 1970. С. 143—148; *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 6; *Марков В.И.* О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 17; *Сабитов Ж.М.* Казаки Восточного Дешт-и-Кыпчака в XIV—XV веках // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. № 8. С. 219—220.

хождение; в-пятых, работами лингвистов, демонстрирующими близость казачьих говоров к диалектам тех российских регионов, откуда на «казачьи реки» пришло большинство переселенцев.

Что же касается взаимоотношений вольного казачества с Российским государством, то, согласно научно обоснованной, опирающейся на огромный конкретно-исторический материал точке зрения, они носили хотя и сложный, неровный, но в целом взаимовыгодный характер. В результате произошло вполне закономерное, исторически неизбежное, объективно обусловленное включение казачьих областей в состав Российской империи и превращение казаков в привилегированное российское сословие, став которым они и вписали самые яркие страницы в летопись своей боевой славы.

До революции эта концепция (господствующая в научной среде и по сей день) была представлена в трудах С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, Д.И. Эварницкого, В.Г. Дружинина, С.Ф. Платонова, В.А. Потто, А.Б. Карпова, Ф.Э. Щербины, М.А. Караулова, М.К. Любавского, С.И. Тхоржевского. Её дополнительно обосновали в 1930—1970-х гг. Б.В. Лунин, А.А. Новосельский, Е.Н. Кушева, В.А. Голобуцкий, И.Г. Рознер, В.П. Загоровский, А.П. Пронштейн, Л.Б. Заседателева, Г.Ф. Благова, В.Н. Дариенко, немецкий историк Г. Штёкль, а с середины 1980-х гг. по настоящее время — Р.Г. Скрынников, Н.А. Мининков, А.Л. Станиславский, И.А. Аверин, С.К. Сагнаева, Н.Ю. Селищев, В.Ф. Мамонов, О.В. Матвеев, А.И. Агафонов, С.И. Рябов, С.А. Козлов, А.И. Изюмов, И.О. Тюменцев, С.М. Маркедонов, Э.Л. Дубман, А.М. Дубовиков, О.Г. Мерзликина, М.А. Рыблова, М.Ю. Зенченко, О.Ю. Куц, В.И. Марков, Л.Л. Каранлыкова, А.В. Беляков и другие историки. По многим частным вопросам у них, конечно, имелись расхождения, но в трактовке вышеозначенных базовых положений эти исследователи придерживались единой точки зрения, которая находила соответствующее отражение в популярной и учебной литературе.

Однако в начале 1990-х гг. в СМИ, публицистике и изданиях, рассчитанных на массового читателя, научную концепцию происхождения и ранней истории казачества стали отвергать. Её заклеили как «казённую», «беглохолопскую», «беглокрестьянскую», называли «ничем не обоснованной», «сказкой» и т.д. и обозначили в качестве «миграционной теории». Ей противопоставлялась «альтернативная» точка зрения на казачьи корни — «автохтонная теория», суть которой такова. Казаки — это особый этнос, не только не имеющий по своему происхождению ничего общего с русским народом, но и «полная противоположность ему». Непосредственными предками казаков в этой связи называются либо практически все народы, издревле проживавшие в Подонье—Приазовье и Северном Причерноморье (киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары и другие, вплоть до древних славян), либо собственно «казачий» народ. Он якобы обитал на Кавказе в древней стране «Касахии», которую упомянул в одном из своих сочинений живший в X в. византийский император Константин Багрянородный. Россия же в трактовке наиболее радикальных сторонников этой точки зрения была извечным врагом казачества и, в конце концов, посредством подлых методов и грубой силы поработила его, превратив казачьи земли в свои колонии.

Научных доказательств у такой «концепции» нет — их заменяют фантазии, домыслы, базирующиеся на сомнительных допущениях и шатких аналогиях «гипотезы», чисто умозрительные или построенные на догадках и натяжках «те-

ории», «наивная этимология», основанная на звуковом сходстве со словом «казак» некоторых этнонимов и топонимов (с корнями на «каз», «кос», «аз», «ос» и т.д.) по принципу: «звучит похоже, значит, одно и то же», а также произвольный отбор фактов, когда одни из них («выгодные») выпячиваются, а другие — замалчиваются. Самым сильным своим аргументом сторонники «автохтонной теории» считают «феномен казачьего самосознания» — широкое распространение среди казачества мнения о собственном «нерусском» происхождении. Их не смущает то обстоятельство, что этот «феномен» — явление довольно позднее (конец XVIII — XIX в.) и потому не может служить подтверждением «автохтонной» теории. Ведь по крайней мере в XVII в. казаки, как убедительно показано профессиональными историками³, в массе своей считали себя русскими, а забывать о своих корнях стали лишь после того, как свободный приём в казачество прекратился. Сторонникам «автохтонной теории», наверное, неизвестно и то, что искажение этнического самосознания — совсем не редкое явление в истории, а фантастические родословные были популярны даже у «образованной» элиты (Иван Грозный называл себя потомком «Августа-кесаря», и едва ли не половина российского дворянства тоже без должных оснований «выводила» своих предков из-за границы). А о том, как далеко «вглубь веков» уходит народная память, можно судить по такому примеру: в конце XIX — начале XX в. тысячелетние курганы в Центральной России местные жители обычно связывали лишь с наполеоновским нашествием и называли «французскими курганами» или «французскими могилами»⁴.

«Автохтонная теория» не нова и восходит к сочинениям таких казачьих «автономистов» и «сепаратистов» конца XIX — первой трети XX в., как Е.П. Савельев, И.Ф. Быкадоров, Ш. Балинов, П.К. Харламов, А.А. Гордеев. Они не имели исторического образования, обычно крайне враждебно относились к «Москве» и русскому народу и мечтали о создании на юге России собственного независимого от неё государства. Многие из них, оказавшись после окончания Гражданской войны в эмиграции, объединились там в движение «казакийцев», активно сотрудничали с гитлеровской Германией (признавшей казаков потомками германского племени готов), продолжили деятельность после Второй мировой войны и внесли свою лепту в принятие Конгрессом США в 1956 г. по сей день не отменённого закона 86-90 («О порабощённых народах»). Согласно ему, казаки тоже считаются одной из «порабощённых» Россией наций и вправе требовать создания на её территории независимой «Казаккии». Квинтэссенция таких идей — трёхтомный «Казачий словарь-справочник», изданный в США в 1966—1970 гг. эмигрантами Г.В. Губаревым и А.И. Скрыловым (его репринтное воспроизведение вышло в России в 1992 г. и широко разошлось по стране).

Когда у нас началось возрождение казачества, многие его активисты брали на вооружение, переиздавали или выкладывали в Интернет эти и другие сочинения «автономистов» и «сепаратистов». Немало нашлось и тех, кто стал «творчески развивать» их идеи, также стремясь максимально «удревнить» историю казачества и противопоставить его русскому народу. Правда, ни одного

³ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1971 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 435; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб., 2009. С. 325; и др.

⁴ См. обсуждение вопроса о так называемых французских курганах на форуме домодеевских краеведов (URL: <https://is-tok.ru/forum/12-30-1>: дата обращения: 21.05.2019).

факта или научно обоснованного довода, свидетельствовавшего бы о формировании казачества ранее XV в., они также не привели. То, что современные поборники «автохтонной теории» рассматривают в качестве её доказательств, либо не находят подтверждения в источниках (т.е. является фантазией), либо им противоречит. Работы, повторяющие на все лады «аргументы» в пользу «древнего происхождения» казачества, по-прежнему демонстрируют в первую очередь невежество их авторов, что не удивительно. Подобно своим идейным предшественникам, они, как правило, далеки от истории как науки. Обычно это литераторы, журналисты, экономисты, инженеры, отставные военные. Хотя они и претендуют на «научность» своих работ, но ориентируются на массового читателя, которому трудно разобраться в клубке взаимоисключающих концепций и идей. «Степень дилетантизма» и «радикализма» у каждого из этих авторов, конечно, разная. Например, М. Аджиев и В.Ф. Никитин — наиболее непримиримые противники «миграционной теории»⁵, а В.И. Вареник, В.Н. Супруненко, Б.А. Алмазов, В.Е. Шамбаров или М.П. Астапенко — «умеренные»⁶.

Среди идеологов казачьего «сепаратизма», как и прежде, встречаются «совсем умеренные» их представители — те, например, кто великодушно соглашается считать донских казаков частью русского народа, но лишь в той мере, в какой можно причислить к нему современных украинцев и белорусов. Некоторые ратуют за присвоение всему казачеству статуса «четвёртого восточнославянского народа»⁷, видимо, считая, что коренные тамбовцы, воронежцы или рязанцы по языку и культуре отличаются от казаков (донских, например) так же, как от украинцев или белорусов. Но при этом не представляют убедительных разъяснений относительно того, как в таком случае будет решаться проблема культурных и языковых различий среди самого казачества. Ведь подходя к нему с теми же критериями, можно назвать кубанских казаков «пятым восточнославянским народом», терских — «шестым», уральских — «седьмым» и т.д. И неясно, как тогда быть с теми же проблемами *внутри* казачьих «войск». Например, на Дону сильны различия между «верховыми» и «низовыми» казаками, на Кубани — между потомками «черноморцев» и «линейцев» и т.д.

Характеризуя в целом дилетантскую литературу по истории казачества, следует признать, что обилие «ляпов», несуразностей и механических заимствований из сочинений эмигрантов-сепаратистов — общая и самая характерная черта творчества этих поборников «автохтонной теории». Тем не менее их книги, обычно красочно оформленные, издаваемые большими тиражами в хорошем полиграфическом исполнении, широко представлены на книжном рынке, заполняют полки библиотек, доминируют в Интернете. Правдиво освещающие историю казачества профессионалы со своими малотиражными и скромно изданными трудами не могут конкурировать с дилетантами в борьбе за массового читателя.

⁵ Аджиев М. Мы — из рода половецкого! Рыбинск, 1992; Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? М., 2007.

⁶ Вареник В.И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996; Супруненко В.П. Запорожская вольница. М., 2007; Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008; Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009; Астапенко М.П. История Донского казачества. Ростов н/Д, 2013.

⁷ См.: Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909—1914). СПб., 2013. С. 194.

Возможно, одним из последствий такого положения книгоиздательских дел стало и столь прискорбное явление, как проникновение дилетантизма в «большую науку». Имеющие учёные степени филологи, политологи, социологи, культурологи и юристы теперь смело берутся и за историю казачества, несмотря на свои порой крайне слабые познания в ней. Они иногда ссылаются и на труды серьёзных исследователей, но предпочтение отдают, как правило, более доступным и ярким изданиям «автономистов» и «сепаратистов», тиражируя в своих работах их весьма сомнительные, с научной точки зрения, идеи. (Образцы такого подхода демонстрируют, например, культуролог И.Г. Яковенко, политолог А.Е. Мохов, социолог М.Г. Артамонова⁸.)

Однако самое тревожное и печальное явление в науке последнего времени — проникновение дилетантских, псевдонаучных взглядов и в работы профессиональных историков — преподавателей вузов, кандидатов и докторов исторических наук. Именно так получилось при освещении истории казачества в трудах таких специалистов по истории XIX—XX вв., как А.А. и А.М. Плехановы, А.В. Шишов, А.Г. Шкваров, В.П. Трут, А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджян⁹.

Эти исследователи, видимо, порой попадают под влияние широко разошедшейся по нашей стране псевдонаучной литературы и потому сильнее всего искажают именно *раннюю* историю казачества — наименее им (как и дилетантам) известную, но крайне важную для понимания его природы. Одни эту историю необоснованно «удревают», другие воспроизводят и «развивают» идеи «автономистов» и «сепаратистов» о казаках как особом, самостоятельном и отличном от русских этносе. Но более странной выглядит позиция тех, кто, стремясь к «компромиссам», пытается соединить несоединимое — «автохтонную» концепцию происхождения казачества, не имеющую под собой никакой источниковой базы, и концепцию «миграционную», основанную на огромном массиве давно введённого в научный оборот репрезентативного документального материала¹⁰.

Все эти обстоятельства не могут не влиять на состояние дел и с учебной литературой, предназначенной для казачьих классов, кадетских корпусов или вузов. Сколько всего к настоящему времени выпущено учебных пособий по казачьей истории, с абсолютной точностью установить невозможно: они порой издаются на местах без отправки «обязательных экземпляров» в центральные библиотеки и без размещения своих текстов в Интернете. Тем не менее общедоступного учебно-методического материала вышло уже достаточно, чтобы представить уровень преподавания истории казачества в нашей стране. Уровень этот хотя в разных образовательных учреждениях и различный, но в целом

⁸ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... // Родина. 1995. № 10. С. 69—70; Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. М., 2011; Артамонова М.Г. Древние цивилизации — трансляторы протокультурных истоков казачества (Социологические проблемы исторического становления) // Наука и социальное качество. Электронный журнал. 2014. № 1. С. 166—180 (URL: <http://NaukaSK.ru>iss/iss001-15/pdf>); Артамонова М.Г. Формирование казачьего народа (Социологические проблемы исторического становления казачьего народа) // Наука и социальное качество... 2014. № 1. С. 181—185.

⁹ См.: Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1—2. Ростов н/Д, 1995; Плеханов А.А., Плеханов А.М. Казачество на рубежах Отечества. М., 2007; Шишов А.В. Казачьи войска России. М., 2007; Шкваров А.Г. По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008.

¹⁰ См., например: Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1999. С. 24; Сопов А.В. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 59.

невысок и вызывает беспокойство за формирование мировоззрения выпускников многих казачьих учебных заведений.

В этом мне пришлось убедиться, приняв участие в работе комиссии Министерства образования и науки РФ по проведению конкурса на звание «Лучший казачий кадетский корпус» 2018 г. По её требованию, вышедшие во второй тур десять участников конкурса присылали списки литературы, используемой в их заведениях при преподавании истории казачества. Картина, конечно, получилась неоднородная. Например, учащиеся казачьих кадетских корпусов Краснодарского края (Ейского, Новороссийского, Курганинского, Кропоткинского, Кубанского им. М.П. Бабыча) пользуются в основном добротными пособиями. На хорошем уровне ведётся преподавание казачьей истории и в Южнороссийском лицее казачества г. Железноводска Ставропольского края. Это объясняется тем, что при создании учебных пособий для всех этих заведений привлекались признанные специалисты по различным периодам истории Северокавказского региона и казачества — О.В. Матвеев, Н.И. Бондарь, В.Н. Ратушняк, Т.А. Невская, Н.Н. Великая и др.¹¹

Смушает, правда, что Новороссийский казачий кадетский корпус включил в список дополнительной литературы «Энциклопедию казачества» Губарева, т.е. по сути — переиздание вышеупомянутого «Казачьего словаря-справочника», наполненного русофобскими сепаратистскими идеями и абсурдными, безграмотными статьями по ранней истории казачества. Вряд ли среди учащихся кадетских корпусов уместно культивирование «плюрализма мнений» на материале такого уровня.

В целом неплохо выглядит преподавание данной дисциплины в Казачьем кадетском корпусе им. О. Куянова Новосибирской обл. «Своих», отражающих местную специфику, учебников у него, к сожалению, не нашлось, но список используемой в «образовательном процессе» литературы производит благоприятное впечатление. В частности, лишь в этом кадетском корпусе предусмотрено ознакомление с «Историей донского казачества» (под редакцией известного историка А.В. Венкова)¹². Этот довольно объёмный (464 с.) учебник для вузов подготовлен ведущими учёными Южного федерального университета и освещает все периоды истории казачества со строго научных позиций — взвешенно и объективно. В то же время в учебной программе корпуса есть и некоторые не совсем удачные издания. Например, книга О.В. Агафонова¹³, хотя и написана доходчивым языком, богато иллюстрирована, но «удревняет» историю казачества почти на столетие и местами требует весьма критического к себе отношения.

Ещё больше эклектики в научно-методическом обеспечении учебного процесса в Белокалитвинском Матвея Платова казачьем кадетском корпусе Ростовской обл. Там в списке литературы соседствуют высоко оценённый научным сообществом труд Н.А. Мининкова (по истории донского казачества времён Позднего средневековья) и проникнутая сепаратистскими идеями книга

¹¹ См.: Матвеев О.В. История Кубанского казачества. Учебник для 8 класса. Краснодар, 2009; Ратушняк В.Н. История казачества России. 10 класс. Краснодар, 2012; Казачество в истории Ставрополя. Учебное пособие для учащихся 6—7 классов. М., 2015; Казачество в истории Ставрополя. Учебное пособие для учащихся 8—9 классов. М., 2015.

¹² История донского казачества: учебник. Ростов н/Д, 2008.

¹³ Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.; Калининград, 1995.

«автономиста» Е.П. Савельева (1915), который, в частности, утверждал, что казаки участвовали в Троянской войне (XIII в. до н.э.) и основали Рим¹⁴.

В тот же список включены и три учебника по истории Донского края (Ростов н/Д, 2016), посвящённые разным её периодам: с древнейших времён до конца XVI в. — для 5—6 классов (автор О.Г. Веряскина), XVII—XIX вв. — для 7—8 (Н.В. Самарина, О.Г. Витюк), XX в. — для 9 класса (С.А. и И.Г. Кислицыны). Однако составить представление об этих пособиях невозможно: их нет даже в каталоге Российской государственной библиотеки.

Те же самые учебники являются единственными пособиями, используемыми в «образовательном процессе» Шахтинского генерала Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса Ростовской обл. И независимо от их содержания такое положение нельзя считать приемлемым: история Донского края и история донского казачества — это всё же разные темы, пусть во многом и пересекающиеся.

И уж совсем неудовлетворительно обстоит дело с преподаванием казачьей истории в Горожанском казачьем кадетском корпусе Воронежской обл. В списке литературы по этому предмету там оказались всего две книги — белоэмигранта А.А. Гордеева (где история казачества «доведена» до конца 1920-х гг.)¹⁵ и современного российского исследователя А.В. Венкова¹⁶.

Относительно труда последнего я ничего не имею против, но использование в «образовательном процессе» дилетантского сочинения Гордеева никак нельзя одобрить. И не только потому, что им не охвачен последний, 70-летний хронологический период, а освещение событий Гражданской войны слишком односторонне и пристрастно. Трактовки Гордеевым вопросов ранней истории казачества настолько необоснованны и фантастичны, что вызывают сомнения даже у иных поборников «автохтонной теории».

Остаётся только гадать, почему кадетские корпуса, исторически и территориально связанные с донским казачеством, проигнорировали целиком посвящённый ему учебник под редакцией Венкова, а также хорошо известное учебное пособие Мининкова¹⁷ или другие (пусть не столь добротные) издания на ту же тему. А их к настоящему времени вышло немало.

В полученных Министерством образования и науки РФ списках литературы были перечислены, естественно, не все учебники, по которым на территории страны преподают историю казачества. Следует обратить внимание и на издания, оказавшиеся «вне конкурса», особенно на то, как подаётся в них *ранняя* история казачества, наиболее важная для понимания его социальной и этнической природы.

Весьма содержательно и интересно учебное пособие для студентов А.П. Скорика¹⁸. Автор является заслуженным работником высшей школы РФ, профессором, доктором философских и исторических наук, активистом казачьего движения — подъяесаулом и советником атамана Первого Донского ка-

¹⁴ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 24.

¹⁵ Гордеев А.А. История казачества. М., 2006.

¹⁶ Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М., 2013.

¹⁷ Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Учебное пособие для студентов и учителей средней школы. Ростов н/Д, 1992.

¹⁸ Скорик А.П. Возникновение донского казачества как этноса. Изначальные культурные традиции. Учебное пособие для студентов по базовому учебному курсу «История России». Новочеркасск, 1992.

зачьего округа Всевеликого Войска Донского. Кандидатская диссертация Скорика (защищённая в 1989 г.) посвящена проблемам партийного руководства развитием агропромышленного комплекса в 1980-х гг., а докторская (2009) — казачеству Юга России в 1930-х гг.

В пособии Скорик рассматривает почти все отражённые в литературе теории происхождения казачества (научные и мифологизированные). Сам исследователь в их оценках осторожен, но всё же отдаёт (с оговорками) предпочтение той версии, по которой корни казачества обнаруживаются в VIII—IX вв., что позволяет ему считать предками донских казаков «кмелей» (воинов), расселившихся для защиты от хазар в долинах Сейма, Псла и Воркслы. Зато в принадлежности донских казаков к особой, самостоятельной народности (народу) Скорик нисколько не сомневается. При обосновании своего мнения он апеллирует к закону РФ «О реабилитации репрессированных народов», где упоминается и казачество («народом», правда, не названное), и к законодательно же закреплённому в нашей стране праву «изменения человеком своей метрической национальности на соответствующую его внутреннему самосознанию»¹⁹.

Одним из первых в постсоветской России учебных пособий по истории казачества стала книга священников А.М. и В.М. Гнеденко. В ней казаки выведены из неких «православных потомков скифов и гуннов», которых авторы почему-то считают предками славян. Казаками названы былиный богатырь Илья Муромец и воины участвовавшего в Куликовской битве засадного полка Дмитрия Боброка (а сам он назван «атаманом») ²⁰, т.е. налицо прямое заимствование из дилетантских сочинений казачьих «автономистов» и «сепаратистов» начала XX в. Как и они, братья Гнеденко, видимо, не знают того, что былины киевского цикла были записаны в основном в XIX в., и там не только богатыри становились «казаками», но и их противник из реальных печенегов и половцев превращался в мифических «татар», а то и в чукчей с коряками. Относящееся же к концу XVII в. летописное сообщение об участии донских казаков в Куликовской битве, как установлено профессиональными историками — специалистами по XIV—XVII вв., является легендой, противоречащей всему, что известно науке о казачестве и реке Дон по другим, более достоверным, источникам.

Стремление к максимальному «удревнению» казачьей истории, восходящему к сепаратистским «теориям» донских «автономистов» начала XX в. и эмигрантов-«казакийцев» 1920—1930-х гг., вообще свойственно большинству авторов рассматриваемых мной пособий, на какой бы уровень они ни были рассчитаны.

Например, для казачьего кадетского класса Нововязниковской общеобразовательной школы Владимирской обл. педагог дополнительного образования В.В. Кузьмичев (в казачьем звании войскового старшины) составил по согласованию с атаманом Вязниковского хуторского казачьего общества полковником В.И. Яцковым «Комплексную программу». В ней «историческими предшественниками казачества» были названы скифы, сарматы, аланы, готы, гунны, хазары, печенеги и прочие племена и народности, сменявшие друг друга в древности в Северном Причерноморье и Предкавказье, а «первым каза-

¹⁹ Там же. С. 14—16, 22—26.

²⁰ Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. За други своя или всё о казачестве. М., 1993. С. 14, 19, 23, 36.

ком на Руси» признан «богатырь Илья Муромец»²¹. Аналогичная картина — в «Программе курса “История казачества”» Московского казачьего кадетского корпуса им. М.А. Шолохова (ныне Московское президентское кадетское училище им. М.А. Шолохова Войск национальной гвардии РФ), автором которой является учитель истории Т.И. Малюк²².

«Более чем двадцатью веками» исчисляется история «казачьей народности», по мнению анонимного автора учебного пособия «Казачество на Дону», также выложенного в Интернете²³. Не столь далеко отодвигает время зарождения казачества кандидат социологических наук О.Н. Сысоева. «Казачий субэтнос», указывается в подготовленном ею (и одобренном двумя рецензентами-социологами) учебном пособии для вузов, «начинает появляться в XII в.». Не вполне ясно, правда, в *чей этнос* он тогда входил (субэтносты, т.е. этнографические группы, могут быть лишь *частью* какого-то этноса). Из контекста можно понять, что это был кыпчакский (половецкий) этнос. Но, по убеждению Сысоевой, в XVI в. «этот субэтнос был залит волной русской эмиграции», которая в итоге придала ему «подавляющие русские черты»²⁴.

Как автор пособия владеет конкретно-историческим материалом по теме, можно судить на таком примере. Из летописного сообщения исследователям давно и хорошо известно, что в 1444 г. против *татарского царевича* Мустафы, укрепившегося возле Переяславля-Рязанского, великий князь московский Василий направил своих ратных людей, а также отряд мордвы и «*казаков рязанских*». Каких-либо подробностей участия последних в походе и битве нет. Но поскольку они, согласно летописи, пришли на лыжах, некоторые историки считают это сообщение первым упоминанием в источниках о *русских* казаках, так как казаки татарские (численно преобладавшие в XV в.) предпочитали передвигаться на лошадях²⁵. А вот как это событие выглядит в изложении Сысоевой: «В 1444 г. в походе московского войска против *турецкого султана* (здесь и далее выделено мной. — Н.Н.) Мустафы *донские* казаки уже выступали на стороне русских как самостоятельное войско, союзное русскому, но со своими военачальниками, и стояло оно отдельно от русских. Это как раз и указывает, что в этот период *на Дону* складывался свой субэтнос, т[ак] к[ак] поведение союзное, но отдельное»²⁶. Удивляться такому уровню исторических познаний не приходится, ибо в списке использованной автором литературы преобладают работы упоминавшихся выше дилетантов — Савельева, Гордеева, Астапенко, Вареника, Шамбарова.

Но что взять с социологов, если историк В.П. Попов считает, что казаки (названные им «народом») существовали «за много лет до Рождества Христова», являлись «древними предками россов» и т.д.²⁷? Одно извиняет уважаемого профессора: он специалист совсем по другому периоду отечественной истории.

²¹ Кузьмичев В.В. Комплексная программа казачьего кадетского класса Нововязниковской ООШ. Вязники, 2015.

²² Программа курса «История казачества» (URL: <http://h.120-bal.>istoriya/11129/index.html>).

²³ Казачество на Дону (URL: <http://ronl.ru>uchebnyye-posobiya/istoriya/111578>).

²⁴ Сысоева О.Н. История донского казачества. Учебное пособие для вузов. Шахты, 2012. С. 14.

²⁵ См., например: Мамонов В.Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 62—63.

²⁶ Сысоева О.Н. История донского казачества... С. 15.

²⁷ Попов В.П. Страницы истории донского казачества. Учебное пособие для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования. Волгоград, 2006.

Его кандидатская диссертация (2001) была посвящена системе среднего специального образования в нашей стране в 1917—2000-х гг., а докторская (2007) — государственной политике развития среднего специального образования в 1920—2005 гг.

Известный писатель М.П. Астапенко выпустил учебное пособие²⁸, в котором перечислены практически все версии происхождения казачества — как научные, так и мифологизированные, и автор, вроде бы, не отдаёт явного предпочтения ни одной из них. Эклектический подход к столь важному вопросу вряд ли можно считать оправданным и продуктивным, но его в последнее время авторы учебных пособий по рассматриваемой теме демонстрируют всё чаще.

В их числе и кандидат исторических наук Р.Г. Тикиджьян, доцент Ростовского технологического института сервиса и туризма, специалист по истории Гражданской войны на Дону. Созданное им учебное пособие вышло под общей редакцией доктора социологических наук, депутата Государственной думы РФ, атамана Всевеликого войска Донского генерала В.П. Водолацкого (убеждённого сторонника придания казачеству статуса особой национальности).

Происхождение казачества и по сей день остаётся «загадкой», считает Тикиджьян. Её «разгадку» он сводит к трём «теориям», якобы «на равных» сосуществующим «в современной научной литературе»: «миграционной», «автохтонной» и «современной синтетической». Последняя наиболее близка автору, поскольку «предполагает внимательный анализ лучших, убедительных аргументов, накопленных... как представителями миграционной, так и автохтонной теорий», позволяет отбрасывать «крайности и фантастические предположения обеих известных теорий, сохраняя их “рациональное зерно”, имеющиеся наработки и открытия». Это, по мнению историка, даст «более объективную картину сложного процесса возникновения казачества на его ранних этапах XV—XVII вв.».

Читателю, правда, неясно, какие «крайности и фантастические предположения» автор нашёл в «миграционной теории», и что за «убедительные аргументы» и «открытия» стоят за «автохтонной», отвергаемой всеми специалистами по ранней (до XVIII в.) истории казачества. Ведь ни одного серьёзного, научно обоснованного аргумента в пользу данной «теории» автор не предъявил²⁹.

Свой учебно-методический комплекс по названной теме разработала и кандидат педагогических наук Е.Н. Щербина, провозгласив целью этого курса «развитие исторического мышления современного школьника, обладающего компетентностью в области отечественного исторического процесса». Для этого Щербина предложила в первую очередь ознакомить учеников со всеми трактовками происхождения казачества: «официальная теория, теории миграционного, автохтонного происхождения казачества, филологические, универсально-мифологические, кочевнико-этнические трактовки, славянские интерпретации». А каким трактовкам автор отдаёт предпочтение, ясно уже из определения ею «зоны этнического образования казачества». Это, оказывается, огромнейшая территория — «бассейн верхнего течения Дона; бассейн Нижнего Днепра, Крым, Приазовье, степи Центрального и Юго-Восточного

²⁸ Астапенко М.П. Донские казаки. 1550—1920. Учебное пособие. Ростов н/Д, 1992.

²⁹ См.: Тикиджьян Р.Г. История и культура народов Донского края и казачества: научно-популярное и учебно-методическое издание для национально-регионального компонента образования. Ростов н/Д, 2010.

современного Казахстана (Дешт-и-Кыпчак) и северные районы современного Узбекистана»³⁰. Русским землям, как видим, места на этой панораме практически нет...

Авторами-составителями ещё одного учебно-методического пособия являются кандидат исторических наук В.Ф. Покасов (защитил диссертацию «Европейская модель исторической информатики» в 2000 г.) и не известный пока в широких научных кругах В.А. Черкасов. Они тоже склоняются к «синтезу» «миграционной» и «автохтонной» концепций происхождения казачества, но всё же тяготеют к последней: считают реальностью участие донских казаков (или же «народа с таким названием») в Куликовской битве и наличие у казаков на Дону к 1380 г. «своей боевой организации, храмов и икон». А белоэмигрант Гордеев для составителей пособия, похоже, является самым авторитетным исследователем казачьей истории³¹.

Доверие к дилетантским сочинениям «автономистов» и «сепаратистов» также подвело В.В. Марковчина, Е.С. Свиридова и М.А. Сарычева — авторов в целом неплохого учебного пособия³². Не будучи специалистами по ранней истории казачества, они в посвящённой ей первой главе выложили весь набор присущих «казакийской» литературе мифов. Так, скифы, сарматы и гунны названы «ближайшими предками казаков», как о чём-то само собой разумеющемся говорится об участии донских казаков в Куликовской битве и т.д. А на вопрос, кто такие казаки, авторы отвечают, что это «христолубивый народ, народ-воин. Народ, который является четвёртым русским народом: великорусы, малорусы, белорусы и казаки»³³.

Специалист по истории Великой Отечественной войны Е.А. Высотина тоже стала автором учебного пособия по казачьей истории. В его первой главе, посвящённой «происхождению и сущности российского казачества», она призывает «согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что миграционная и автохтонная теории не противоречат, а дополняют друг друга». На деле же Высотина воспроизводит лишь основные положения сочинений казачьих «автономистов» и «сепаратистов» начала XX в., причём одного из «столпов» «автохтонной теории» — историка-самоучку Савельева, не имевшего высшего образования, называет «крупнейшим исследователем истории казачества»³⁴.

Ещё более безрадостное впечатление оставляет учебное пособие, созданное доктором политических наук Е.Л. Рябовой и кандидатом исторических наук О.В. Шупленковым (защитившим в 2010 г. диссертацию на тему «Сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодёжи Российского зарубежья в 1920—1930-е годы»). Во «Введении» и первой главе этого пособия, адресованного «студентам и преподавателям средне-специального и высшего образования» и получившего одобрение вышеупомянутого казачьего генерала Водолацкого, довольно подробно рассматриваются вопросы о проис-

³⁰ См.: *Шербина Е.Н.* Учебно-методический комплекс «История казачества». Ростов н/Д, 2010.

³¹ См.: *Покасов В.Ф., Черкасов В.А.* Учебно-методическое пособие «Казачество на Ставрополье». Ставрополь, 2011.

³² *Марковчин В.В., Свиридов Е.С., Сарычев М.А.* История казачества: традиции, обычаи, уклад. Курск, 2018.

³³ Там же. С. 21.

³⁴ *Высотина Е.А.* Казачество в истории России, Забайкалья и Бурятии: учебное пособие. Улан-Удэ, 2011. С. 6.

хождении и этнической сущности казачества. Признавая его субэтносом и в целом вроде бы склоняясь к синтезу теорий «миграционной» и «автохтонной», авторы при всей эклектичности своих взглядов всё же последней (как и Высотина) отдают явное предпочтение. И самый известный её разработчик — «автономист» Савельев — для них тоже едва ли не высший авторитет³⁵.

Из современных же авторов они чаще всего цитируют (правда, «анонимно» — без кавычек и сносок) Н.Н. Лысенко — бывшего праворадикальной политика, лидера Национально-республиканской партии России, прославившегося в 1990-х гг. своими экстравагантными выходками в Государственной думе. В 2000-х гг. он занялся наукой, защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории ираноязычных кочевников Евразии II в. до н.э. — II в. н.э. и из идеолога «русского национал-имперского движения» превратился в «казачьего националиста», отстаивающего (с опорой главным образом на дилетантские сочинения казачьих «автономистов» и «сепаратистов») взгляд на казачество как «самобытную нацию», генетически не связанную ни с русским, ни с украинским народами³⁶.

Подобно Лысенко и его соратникам, Рябова и Шупленков ставят решение вопросов о происхождении и этнической принадлежности казачества в прямую зависимость от мнения «народа». Поэтому они осуждают исследователей, игнорирующих «возражения самих казаков, которые никогда не считали себя потомками беглых»³⁷ («Повесть об Азовском осадном сидении», где казаки говорят о своём происхождении от беглых, авторы пособия явно не читали) и цитируют Савельева, убеждённого в том, что «казаки прежних веков... не считали себя русскими». Неподелённый восторг у Рябовой и Шупленкова вызывает воспроизведённая ими по статье Лысенко сцена из «Тихого Дона» М.А. Шолохова («поистине хрестоматийная даже для современного казачества»), «где на реплику комиссара Штокмана о том, что казаки, дескать, от русских произошли, казак пренебрежительно, даже с вызовом бросает: “Казаки произошли от казаков!”». Ошибки в передаче текста шолоховского произведения авторами пособия (видимо, как и Лысенко, давно не заглядывавшими в «Тихий Дон») не так показательны, как трактовка этой сцены. Отражённое на страницах великого романа мнение малограмотных станичников, по представлению Рябовой и Шупленкова, — это «гордый девиз всего казачества — от запорожского войска до семириченского», который «сохранился незбылемым доньине»³⁸.

Когда авторы пособия вслед за Савельевым и Лысенко уверяют читателей, что «казаки никогда себя не осознавали, не ощущали и не считали великороссами (русскими)», то демонстрируют крайне низкий уровень знания реальной истории казачества и историографии. Вместо ссылки на белоэмигранта Быкадорова им здесь следовало бы обратиться к трудам таких современных исследователей, как Н.А. Мининков и О.Ю. Куц, которые изучили на архивном материале менталитет донских казаков XVII в. и пришли к диаметрально противоположным выводам.

³⁵ Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры. Учебное пособие. М., 2015. С. 24—25.

³⁶ См.: Лысенко Н. Нация или субэтнос? (Размышления об этногенетической природе казачества) // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 111—134.

³⁷ Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры... С. 6.

³⁸ Там же. С. 27.

Столь же далеко от истины повторенное Рябовой и Щупленковым утверждение Лысенко, что «во всех без исключения источниках по истории Руси—России XIV—XVII веков мы не найдём упоминаний казаков в контексте “русскости”»³⁹. Чтобы убедиться в обратном, достаточно заглянуть, например, в «Сибирские летописи», описывающие поход Ермака: соратники знаменитого атамана там прямо называются «русскими казаками», «русскими воинами», «русскими людьми»⁴⁰.

Крайне несерьёзно выглядят в пособии и другие аргументы авторов в пользу «автохтонной теории». Например, в культуре, быте и языке казаков обнаруживается много такого, чего никакие беглые занести им не могли. Не понятно, что же тут противоречащего теории «миграционной»? Оказавшийся, допустим, на Тереке беглец с Рязанщины или Новгородчины вряд ли мог занести туда черкеску, но, надев её, продолжал оставаться русским, как оставались ими и казаки других рек, заимствуя у своих нерусских соседей многие элементы материальной и духовной культуры.

Похоже, представления Рябовой и Щупленкова о «древней истории казачества» сформированы прежде всего «трудами» Савельева и Быкадорова. Поэтому не приходится удивляться, встречая в пособии такие «перлы»: «Мало кто знает, что само понятие “казак” связано с именем Ильи Муромца, ибо он был первым из русских богатырей, кто назвал себя казаком и гордился этим званием»⁴¹. Показательно ещё одно «открытие» Рябовой и Щупленкова. Вслед за Лысенко они пишут, что «в древних и средневековых источниках Евразии есть много сообщений, которые однозначно могут трактоваться как чёткие указания на постепенно формирующуюся самобытную этничность казачества, начиная с XIII века». При этом «источники» не названы, есть лишь отсылка к «обстоятельному труду Е.П. Савельева», хотя и там при самом внимательном чтении тоже ничего вразумительного и убедительного на этот счёт не обнаруживается. Тем не менее при ознакомлении с этим и подобными ему «трудами» авторам учебного пособия, как и Лысенко, «становится понятным, что, по крайней мере, донские казаки — альфа и омега российского казачества... имели... весьма мало общих генетических корней с великорусским этносом»⁴².

Документальные свидетельства, опровергающие этот распространённый в эмигрантской и современной «казакийской» литературе тезис, давно введены в научный оборот капитальными исследованиями Пронштейна, Мининкова, Куца и других профессиональных историков. Но об этом, видимо, Рябова и Щупленков не знают, как и о работах антропологов и специалистов по ДНК-генеалогии, показывающих отсутствие принципиальных различий между большинством казачьего и остального русского населения⁴³.

В итоге в их учебном пособии процесс «казачьего этногенеза» представлен следующим образом. В глубокой древности в междуречье Днепра и Дона сфор-

³⁹ Там же. С. 25.

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 92, 110, 131, 181, 182.

⁴¹ Рябова Е.Л., Щупленков О.В. Основы казачьей культуры... С. 6.

⁴² Там же. С. 26.

⁴³ См.: Бунак В.В. Антропологический тип донских казаков // Русский антропологический журнал. Т. 12. Кн. 1—2. М., 1922. С. 130—154; Кашибадзе В.Ф., Насонова О.Г. Антропология донских казаков: опыт интеграции данных науки и литературы // Труды Южного научного центра РАН. Т. 5. Ростов н/Д, 2009. С. 167—177; Куклев Ю.М. Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспекты формирования правового статуса. М., 2015. С. 187.

мировался «некий весьма мощный в генетическом плане... этнический стержень», на который «в разные исторические периоды наслаивались» представители «разнородных этнических элементов, включая великорусов, украинцев... некоторых тюркских народностей»⁴⁴. Что ж, теория стройная, только вот беда — она голословна: реальное существование этого «стержня» не подтверждается никакими источниками, и он является мифом, как и многие другие дилетантские «теории», широко используемые идеологами разных мастей для противопоставления казачества русскому народу.

Сама жизнь подводит нас к тому, чтобы был подготовлен *единый* для всех учебных заведений страны учебник по истории казачества, освещающий её с *научно обоснованных* позиций. Он необходим так же, как и единый комплекс учебников по всей истории (его разработка уже одобрена Правительством РФ). Определённые надежды в этой связи возлагались на созданный на базе Московского государственного университета технологий и управления Первый казачий университет им. К.Г. Разумовского, инициировавший создание такого учебника. Настораживали, правда, некоторые методические разработки, выходившие под грифом этого университета: они вызывали сомнение в компетенции их авторов и в правильности трактовки ими ряда вопросов истории казачества. Так, в пособии, подготовленном в рамках «Программы развития непрерывного образования казачества России»⁴⁵, учащимся предлагалось найти сильные и слабые стороны в каждой из теорий происхождения казачества — «миграционной» (научно обоснованной) и «автохтонной» (по сути антинаучной). Да и наличие в приложенном к пособию списке литературы сочинений казачьих «автономистов» и «самостийников» Савельева и Быкадорова не могло не настораживать.

28 апреля 2015 г. в пресс-центре газеты «Аргументы и факты» начались организованные Первым казачьим университетом общественные слушания для обсуждения концепции и структуры будущего учебника по истории казачества и даже целой линейки таких учебников. Многое смущало в проведении этих слушаний, но особенно состав участников. Среди них оказалось крайне мало специалистов по истории казачества, а занимающихся ранним её периодом не было вообще. Академическую науку там представлял лишь кандидат исторических наук Д.В. Фомин-Нилов. Его отрекомендовали как старшего научного сотрудника Института российской истории РАН, хотя на самом деле он работал в Институте всеобщей истории РАН, специализируясь по истории скандинавских стран XX в. И этот представитель академической науки «предложил Первому казачьему университету взять на себя роль координатора в подготовке учебника по истории казачества и для 11-го класса школы, и 1-го курса неисторических факультетов вузов»⁴⁶.

Ещё больше недоумений вызвал авторский состав планируемых пособий. В него вошли весьма уважаемые люди, но вряд ли большинство из них можно признать специалистами по истории казачества. Таким специалистом, строго говоря, является лишь Н.В. Рыжкова (она защитила кандидатскую диссертацию «Участие донских казаков в Первой мировой войне» в 1997 г.).

⁴⁴ Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры... С. 27.

⁴⁵ Казачий компонент в системе высшего профессионального образования. Учебно-методическое пособие. М., 2014.

⁴⁶ URL: <http://mgutn.ru/content/news/8965/>.

В то же время упоминаются как авторы А.В. Бредихин (посвятивший кандидатскую диссертацию российско-украинскому сотрудничеству на примере еврорегиона «Донбасс») и А.Н. Кураев (защитивший кандидатскую диссертацию «РСДРП и Советы в первой русской революции» в 1992 г., а в 2001 г. — докторскую, посвящённую партиям и массовым организациям в революции 1905—1907 гг.).

Среди них и многоуважаемый А.А. Сазонов — доктор философских наук и одновременно кандидат исторических наук, однако его кандидатская диссертация, в отличие от её автора («родового казака»), к казачьей тематике отношения не имеет, ибо называется «Программные документы и опыт прогрессивных преобразований в Египте и Сирии (60—70 г. XX в.)». Социолог М.Г. Артамонова, тоже названная одним из авторов планируемого учебника, свою «компетентность» в казачьей проблематике продемонстрировала работами, опубликованными в 2014 г. в электронном журнале «Наука и социальное качество» и основанными главным образом на сочинениях казачьих «автономистов» и эмигрантов-сепаратистов. Она выражает недоумение по поводу того, что среди историков «всё ещё сохраняется» взгляд на казаков как на русских людей, бежавших на Дон, и что казакам «сегодня пытаются отказать в праве называться этнической общностью, указывать национальность “казак”»⁴⁷.

Первые результаты такого «кадрового решения» подтверждают худшие опасения. В 2016 г. вышла книга А.А. Сазонова, основанная на прочитанных им в Первом казачьем университете курсе лекций. В написанной по этому поводу А.В. Бредихиным и Б.Т. Пономаренко восторженной рецензии отмечено едва ли не главное, по их мнению, достоинство книги: «Рассматривая историю происхождения казачества, автор дистанцируется от доминирующей ранее в советской исторической науке теории “беглохолопского” происхождения казаков» — они показаны им как «достойные потомки народов, населявших ранее территорию Дикого поля»⁴⁸. Та же точка зрения на казачью родословную отражена Сазоновым и в учебнике для высших учебных заведений⁴⁹.

Настораживают и перспективы такой издательской деятельности: А.А. Сазонов при поддержке Российского Православного университета планирует издать 14-томную «Казачью библиотечку», которую «могут написать учёные, казачьи атаманы, писатели, деятели искусств России и зарубежных казачьих диаспор»⁵⁰. И действительно, почему бы нет? Чтобы написать историю казачества (да и не только его), в наше время, как мы видим, совсем не обязательно быть специалистом по этой теме. А будет ли написанное соответствовать реалиям отображаемой эпохи — уже другой вопрос, для многих не столь важный...

Впрочем, что касается учебников, то для их написания и в самом деле необязательно иметь соответствующие учёные степени и звания: надо только обладать особым талантом и использовать в своей работе серьёзную научную литературу, а не сочинения политически ангажированных дилетантов. Пример тому (пусть пока единственный из мне известных) — учебно-методическое пособие, составленное И.А. Сербасовой — учителем *математики* средней образо-

⁴⁷ Артамонова М.Г. Формирование казачьего народа... С. 183.

⁴⁸ Бредихин А.В., Пономаренко Б.Т. Исторические корни российского казачества. Рецензия на издание «История казачества» Сазонова А.А. // Казачество. Альманах. 2016. № 24. С. 89—91.

⁴⁹ Сазонов А.А. История казачества России. Учебник для высших учебных заведений. М., 2017.

⁵⁰ URL: <http://livelib.ru/>...10014991132...kazachestvo...>

вательной школы № 2 ж.-д. станции Клявлино Самарской обл.⁵¹ Несмотря на отдельные мелкие ошибки и упоминание в списке использованной литературы сочинения эмигранта Гордеева, пособие в целом верно передаёт историю казачества.

Так что не столь существенно, кто напишет единый учебник по истории казачества. Гораздо важнее, чтобы он до внедрения в «образовательный процесс» прошёл экспертную проверку в ведущих научных организациях страны, в том числе, конечно, и в Институте российской истории РАН, где есть специалисты по самым различным периодам и проблемам отечественной истории.

Общеизвестно, что преподаванием истории закладываются основы мировоззрения человека. Но казахи кадетские корпуса, школы и классы имеют свою специфику. От того, как у них поставлен «учебно-воспитательный процесс», напрямую зависит, будут ли выпускники этих образовательных учреждений ощущать себя частью русского народа, пусть и весьма своеобразной. Или же они вопреки данным науки будут воспринимать себя как некий «самостоятельный этнос», генетически с русским народом не связанный и даже «противоположный ему». Если на уроках истории (даже при условии хорошо организованного патриотического воспитания) казачатам станут навязывать представление о каких-то «особых», «древних» корнях их предков, то в душе каждого выпускника таких заведений останется червоточинка, которая рано или поздно так или иначе даст о себе знать.

Существует немало определений этноса, но почти все они сходятся в одном: у его носителей должно быть *общее происхождение*. Показательно, что в 2001 г. на Большом войсковом круге в Новочеркасске было выдвинуто требование разрешить в документах в графе «Национальность» указывать «казак». Мотивировалось это тем, что «казаки считают себя природою не от московских людей»⁵². Так что если у молодых казаков не будет уверенности в единых корнях с русским народом, они легко могут стать жертвами самых нечистоплотных технологий. Ведь некоторые наши «друзья» и «партнёры» имеют богатый опыт того, как из русских людей делать «нерусских». Наглядный тому пример — некогда братская Украина, где теперь каждый школьник, наверно, убеждён в том, что украинцы, в отличие от «москалей», произошли от «древних укров».

Нелишне будет также напомнить об активных попытках создания в современной России с помощью всякого рода псевдонаучных «теорий» не только особого казачьего, но и сибирского, поморского, калининградского и даже Санкт-Петербургского «этносов». Оставлять такие попытки и далее без должной реакции научного сообщества было бы, по меньшей мере, недальновидно.

⁵¹ Сербяева И.А. Учебно-методическое пособие «История казачества и кадетства». Клявлино, 2012.

⁵² Бондаренко М. Донские казаки хотят, чтобы им вернули национальность // Независимая газета. 2002. 30 сентября.